

ВАЛЕНТИНА СИДОРЕНКО

Я СЧАСТЛИВА БЫЛА...

* * *

Я вышла из дому...
Из дому я вышла. Саяны
Клубились снегами
под серую дымкой небес.
Узорная изморозь
белую кистью тумана
Стыдливо украсила
травы, плетени и лес.

Ах, осень спешила,
как женщина вслед за годами
Спешит насладиться
последней утехой любви.
Вершины, как старцы
с сомкнутыми вечно устами,
Вещали безмолвно,
но ясно, как "Спас на крови".

Глядела я кротко,
я кротко глядела на скалы,

СИДОРЕНКО Валентина Васильевна — поэт, живущий и работающий в Иркутске, автор трёх стихотворных и четырёх прозаических книг, состоит в СП России. В 90-х годах прошлого века главный редактор легендарного патриотического издания "Литературный Иркутск".

На лист, что румянится
яблоком в ржавой траве.
И ветер утих,
и светила лучи запоздало
Погладили землю,
как чадушко по голове...

Ведь вышла из дому,
я шла из родимого дома
К высокому лесу,
к алмазным студёным ключам
Змеиной тропюю,
чьи росы мне с детства знакомы,
Какой убегали мы
вместе с тобой по ночам...

Давно седина надо мною,
как снег на Саянах,
И слабые ноги
едва приминают траву.
И вовсе не грезятся
ныне далёкие страны,
Молчать бы как старцы,
как скалы глядеть в синеву.

Всему свой черёд. Время песни
и время из сердца
Её изгонять,
как зажившихся гонят гостей.
И Бога молить,
чтоб открылась бы чуждая дверца
В пределы, где нет
ни болезней мирских, ни страстей...

* * *

Я уже ничего не смогла,
Я уже ничего не успела.
На исходе земного тепла
И моя голова поседела.

Ночью птица влетела в окно,
Закричала, забила крылами.
Ах как всё это было давно!
Это было давно и не с нами...

И не мы, повстречавшись с тобой
В редкой встрече... старик и старуха,
Взглянем кратко, услышим вполуха
И пройдем, простучим стороной.

А когда обернёшься назад,
Обернуся и я ненароком,
И в черты дорогие с упрёком,
Словно в вечность,
сопьётся наш взгляд...

* * *

А два своих великопостных платья
Я привела в порядок. И беда
Раскрыла свои горькие объятия,
Когда чужой с твоим лицом и статью
Из дома вышел молча. Навсегда...

Ну что ж, прощай! Что завывать, как ветер?
Уж заморозки на родном дворе.
Одна ль я одинока на планете,
Когда рябин багряных гаснут плети,
И прядь волос — как травы в октябре!

Ни плакаться не буду, ни стонать я,
Так много дадено — чего ещё просить:
Я русская, я женщина и мать я,
И два своих великопостных платья
С достоинством мне надобно сносить...

* * *

Июль на вершине. Цветасто играя,
Несёт разнотравье дыхание рая.
В валках его влажных светло и могуче
Сверкают литовки, как молнии в тучах.
И ветры, как гребни в густеющей гриве,
Прочешут колосья на зреющей ниве,
Осушат росу на заросшей дороге,
На той, где ступали родимые ноги.
Туда и обратно они прошагали,
А ныне шаги их услышу едва ли.
И память о прежнем спокойно и ловко
С травой июльской подрежет литовка,
И вервью тягучей от края до края
Слетит первый лист, словно память о рае,
Как инея прядь в разнотравье полей,
Как отзвук шагов твоих в жизни моей.

* * *

Провожала его по калёной заре,
До высоких небес провожала.
Травы стыли в земном серебре,
Взоры жгли, как змеиные жала.
Полуслова не молвил в ответ,
Полувзгляда не кинул вослед.
Взмыл, как ястреб, над белой дорогой.
От ладоней моих в два ряда
Полетели за ним провода.
Свечкой стаявшая звезда
Пала в лоб ему метою Бога.
Возвратилась я в стылый свой дом,
В одинокий свой сон возвратилась.
Засыпать свою память о нём,
Запивать свою память о нём,

Зимний свет, ветра свист под окном
Принимать, словно Божию милость.
И забыла. Но в сумрачном сне
Ночью, ясной от звёздной метели,
Дрогнет сердце тревожно во сне...
Это там, на чужой стороне,
Бьётся память его обо мне...

* * *

Лица старух, как байкальские плашки,
Выжжены жизнью. И запах ромашки...
Господи, дождь в полумгле!

Я ль не стою пред Тобою в апреле
В той несказанной весенней купели,
Той, что цвести повелел!

Я ль разгибаю усталую спину —
В небе весёлом косяк журавлиный
Кличет, кричит и поёт величаво.
Господи, вместе поём тебе славу.
Я отжила на земле!

Я отхожу, как косяк журавлиный,
Снег прошлогодний и песня старинная,
Смятой травой в колее...

Той, что весеннею полнится влагой,
Дождь по которой с ретивой отвагой
Долбит, как беркут молодой.

Как я любила поля золотые,
Там, где склонились колосья литые,
Звёзды над ясной водой,

И издалече нарядно и прямо
Купол высокий родимого храма,
Русские лики святых.

Свет непалящий закатного солнца,
Свет немудрящий отцова оконца,
Речь из созвучий родных.

Как же неистово в этом апреле
Я полюбила распев колыбельный,
Скрип колыбели земной!

Может, с того, что с младенчества чистого
Всё, что ждала и любила неистово,
Вместе исчезнет со мной...

* * *

Июль, только солнце совсем не спешит
Земные приветить просторы.
В забытых истоках забытой души
Все грёзы да разговоры.

Пора же, пора, о любезный мой друг,
Готовиться к госте студёной...
Над дальнею сопкою высветил круг
И выбелил вершние кроны.

То грозный и верный приблизился срок,
Огнём закровились рябины.
Пора возвращаться в родимый исток,
Очистить пути для кончины,

Для нового царства и горних путей,
Последнего Богу ответа...
Ты Родину, милый мой друг, не жалея,
Вся там она, здесь её нету.

Здесь только пути к ней — молитва да песнь,
Ветла за рекою у брода,
Свет кроткий старушек — то ясная весть
Остатка святого народа.

Пора, мой любимый! Закроем уста.
Прощально на век обернёмся...
Была наша жизнь, как холстина, проста,
И мы к ней уже не вернёмся...